

A detailed illustration of a two-story stone house with a gabled roof and two chimneys. The house is surrounded by lush greenery and trees. A stone path leads to an arched doorway. The scene is set in a rural, wooded area.

Максим Козлов

Плесень

Максим Козлов

Плесень

<https://litres.ru/74076439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой лорд Лео Колдвелл получает в наследство поместье, которое триста лет назад было богатейшим в графстве, а теперь едва сводит концы с концами. Он полон решимости навести порядок — но с первых же шагов упирается в стену. Чтобы получить доступ к собственному архиву, нужно решение совета. Совет собирается раз в год. Чтобы починить мост, нужна лицензия. Чтобы получить лицензию — ещё пятнадцать форм. Год сменяется годом, бумаги плодятся, а поместье ветшает.

«Плесень» — это аллегория бюрократии. Это роман о том, как невидимая, всепроникающая система высасывает жизнь из человека, семьи, целой страны. О том, почему с ней невозможно бороться до конца. И о страшном вопросе, который автор задаёт без ответа: что, если плесень — это не кто-то другой? Что, если она — это мы сами?

Содержание

Запах в библиотеке	4
Форма А-7	24
Майское заседание	41
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Максим Козлов

Плесень

Запах в библиотеке

Дождь шёл третью неделю. Дорогу развезло так, что копыта лошадей увязали в грязи по бабки, а колёса экипажа оставляли глубокие колеи, которые тут же заполняла рыжая вода. Лорд Лео Колдвелл смотрел на эту воду, на серое небо и на чёрные мокрые стволы деревьев, и думал о том, что похороны отца прошли слишком тихо. Отпевание закончили за двадцать минут. Священник торопился, потому что у него бодела нога, и он боялся, что мост через реку смоеет. Мост не смыло. Но Лео запомнил лицо отца в гробу — жёлтое, как старый пергамент, и совершенно спокойное, будто смерть была единственным делом, которое не требовало подписей.

Теперь он ехал в поместье, которое принадлежало его семье триста лет. Он никогда там не был. Отец увёз его в столицу, когда Лео было пять, и с тех пор они жили на съёмных квартирах, а поместьем управляли другие люди. «Зачем нам туда ехать? — говорил отец, когда Лео спрашивал. — Там всё работает. Есть управляющий. Есть совет. Они присылают отчёты». Отчёты действительно приходили. Раз в год. Толстые папки в серых картонных обложках, перевя-

занные бечёвкой, которую отец никогда не развязывал. Папки просто лежали в библиотеке, накапливая пыль, и когда отец умер, их набралось сорок семь штук.

Лео взял их с собой. Вернее, приказал упаковать в отдельный сундук, и теперь этот сундук трясло на ухабах где-то позади, в обозе. Ему казалось, что в этих папках что-то важное. Ему было двадцать три года, он только что похоронил отца, и ему хотелось разобраться в делах семьи. Он думал, что это просто. Нужно просто прочитать бумаги, понять, откуда берутся деньги и куда уходят, а потом что-то решить. Он не знал тогда, что «прочитать бумаги» — это приговор. Что с этого начинается плесень. Вернее, она начинается раньше. Но в тот момент, когда ты берёшь первую папку и развязываешь бечёвку, ты уже ступаешь на её землю.

Экипаж дёрнулся и встал. Кучер выругался сквозь зубы, слез с козел и пошёл смотреть колесо. Лео откинул кожаный полог. Пахло мокрой шерстью, конским потом и гнилью — тем особенным запахом осеннего леса, когда листья уже опали, но ещё не превратились в землю, а лежат мокрым ковром и медленно гниют, выделяя кислый, сладковатый дух. Этот запах напомнил ему о чём-то, но он не мог вспомнить о чём. Может быть, так пахло в подвале их столичного дома. А может, так пахло от отца в последние месяцы — сладко и затхло, как от старой книги, которую забыли на окне под дождём.

— Милорд, — сказал кучер, появляясь у окошка. Лицо у него было красное и мокрое, не поймёшь, от дождя или от

пота. — Тут такое дело. Мост через Овражий ручей подгнил. В прошлом годе ещё крепкий был, а сейчас доски ходуном ходят. Я бы не рискнул. Можно в объезд, через Мельничный брод, но это крюк в три мили, и там глина, можем до темноты не управиться.

— А почему мост не чинили? — спросил Лео.

Кучер пожал плечами. Это был старый слуга, который возил ещё деда Лео, и на его лице читалась та особая почтительная незаинтересованность, которая бывает только у людей, проработавших в одной семье полвека. Он знал ответ, но не хотел его говорить.

— Не могу знать, милорд. Мост на балансе дорожного департамента. Наверное, заявку не одобрили.

— Какую заявку?

— На ремонт. Там процедура. Сперва осмотр, потом смета, потом утверждение. Это ж не быстро.

Лео хотел спросить что-то ещё, но закрыл рот. Он вдруг понял, что не знает, какие вопросы нужно задавать. Он вообще мало что знал о поместье, о доходах, о том, как всё устроено. Отец никогда не говорил о делах. Когда Лео спрашивал, отец отмахивался: «Там всё налажено. Не лезь. Будут деньги — будут. Не будут — значит, не судьба». И Лео не лез. Он учился фехтованию, читал книги по истории, ухаживал за дочерью судьи, пил вино с друзьями. Он жил так, как живут молодые люди, у которых есть рента и нет необходимости работать. Рента была небольшая, но на жизнь хватала.

ло. Теперь он понимал, что рента была единственным, что осталось от поместья. И он не знал, сколько ещё она будет приходить.

Они поехали в объезд. Колеса вязли в глине, лошади хрипели и дёргали постромки, экипаж кренился так, что Лео несколько раз ударился плечом о стенку. Дождь то усиливался, то переставал, а потом снова начинал сыпать мелкой водяной пылью. Когда стемнело, они всё ещё были в лесу. Лео уже не смотрел в окно. Он закрыл глаза и слушал, как скрипит кожа сиденья, как хлюпает грязь под колесами, как переговариваются кучер и конюх. И вдруг экипаж выехал на открытое место, и скрип смолк.

— Приехали, милорд, — сказал кучер.

Лео вышел. Поместье Колдвеллов стояло на холме, чёрное на фоне ещё более чёрного неба. Дождь наконец перестал, и в разрыве туч показалась луна — мутная, будто затянутая бельмом. В её свете дом казался огромным и мёртвым. Три этажа, колонны, портик, два флигеля, башня с часами, которые не шли. Окна были темны, и только в одном, на первом этаже, горел тусклый желтоватый огонёк — свеча или масляная лампа, не разобрать.

— Управляющий ждёт, — сказал кучер. — Я послал мальчишку вперёд, когда мы ещё из города выезжали. Должен был предупредить.

— Хорошо, — сказал Лео.

Он пошёл к дому. Гравий на дорожке был покрыт слоем

грязи и прошлогодних листьев. Кусты вдоль фасада разрослись так, что ветки царапали одежду. Лео заметил, что водосточная труба оторвалась и висит на одном гвозде, и вода с крыши льётся прямо на ступени парадного входа. Ступени позеленели от сырости. Перила шатались.

Дверь открыл человек в чёрном сюртуке, высокий, сухой, с длинным лицом, которое казалось сложенным из одних вертикальных линий — нос, брови, складки у рта. Ему было лет шестьдесят. У него были седые волосы, зачёсанные назад, и глаза такие блёклые, будто их выцветили за долгие годы в полутьме конторы. Он поклонился ровно настолько, насколько требовали приличия, но не глубже.

— Лорд Колдвелл. Добро пожаловать в родовое гнездо. Я — Эшби, управляющий. Служу вашей семье тридцать восемь лет. Соблезную вашей утрате.

— Благодарю, — сказал Лео.

Он вошёл. В холле было темно, пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — той самой сладковатой гнилью, которую он чувствовал в лесу. На стенах висели портреты предков, но лица были такие тёмные от копоти и времени, что разобрать черты было невозможно. Только глаза — на всех портретах глаза были написаны светлой краской, и они блестели из темноты, будто следили за вошедшим. Лео стало не по себе.

Эшби провёл его в библиотеку. Это была большая комната с камином, в котором еле тлело сырое полено, и стена-

ми, заставленными книгами. Книги были старые, кожа переплётов растрескалась, золотое тиснение осыпалось. Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол, и на нём — свеча в медном подсвечнике, чернильница, стопка чистой бумаги и папка. Одна. Коричневая, затрёпанная по краям.

— Я подготовил краткий отчёт о состоянии дел, — сказал Эшби. — Если позволите, я изложу основные пункты.

— Давайте, — сказал Лео. Он сел в кресло, которое оказалось жёстким, как дерево, и холодным. Кожа обивки потрескалась, и из прорех лез конский волос.

Эшби открыл папку, но заглядывать в неё не стал. Видимо, он знал содержимое наизусть.

— Поместье Колдвелл, общая площадь три тысячи двести акров. Лесные угодья, пахотные земли, две деревни — Верхние Топи и Нижние Топи, мельница, кузница, винокурня. Винокурня не работает с прошлого года, потому что сломалась перегонная труба, а мастер, который её чинил, умер, и нового пока не нашли. Мельница работает, но жернова изношены, мука идёт грубого помола, продаём по сниженной цене. Кузница работает, кузнец есть, но ему семьдесят два года, и он почти ослеп. Арендаторы платят ренту, но в этом году недоплатили тридцать два процента — неурожай, видите ли, и ещё ливнями смыло мост через Овражий ручей, так что возить зерно на рынок неудобно. В целом доходы падают последние двенадцать лет. Расходы стабильны. Жалованье персоналу, содержание дома, налоги в корону.

— Подождите, — сказал Лео. — Вы сказали, мост через Овражий ручей смыло. А кучер говорит, что он стоит, но подгнил. И его не чинят, потому что заявку не одобрили.

Эшби помолчал. Его лицо не изменилось, но Лео показалось, что воздух в комнате стал чуть холоднее.

— Кучер мог ошибаться, — сказал управляющий. — Кучер не обязан знать точное состояние инфраструктуры. Мост действительно повреждён. Заявка на ремонт подана. Она проходит согласование.

— Где?

— В дорожном департаменте. Это департамент графства, не наш. Мы не можем влиять на их решения.

— Но мост наш? На нашей земле?

— Формально — да. Но дорога, которая через него проходит, является дорогой общего пользования и находится в ведении графства. Соответственно, ремонт моста — обязанность дорожного департамента. Мы можем только ходатайствовать.

— И вы ходатайствовали?

— Разумеется. В установленном порядке. Ответ пока не получен.

Лео потёр переносицу. У него начинала болеть голова — то ли от запаха в библиотеке, то ли от манеры Эшби говорить. Управляющий излагал факты так, будто каждое слово было кирпичом, который он аккуратно кладёт в стену. Стена получалась ровная и глухая.

— Хорошо, — сказал Лео. — Давайте я посмотрю бумаги. Полные отчёты. За последние, скажем, три года.

Эшби чуть заметно поджал губы.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Полные отчёты находятся в архиве. Архив опечатан. Для доступа требуется разрешение.

— Чьё?

— Попечительского совета поместья.

— Я лорд этого поместья. Я наследник. Разве моего разрешения недостаточно?

— Вы лорд, безусловно. Но Попечительский совет был учреждён ещё вашим прадедом в двести тридцать седьмом году по старому стилю. В уставе сказано, что все финансовые документы находятся в ведении совета и могут быть представлены лорду только по запросу, утверждённому советом.

Лео уставился на него. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

— То есть я не могу посмотреть свои собственные отчёты?

— Можете. Но для этого нужно подать запрос.

— Кому?

— Совету. Он собирается раз в год. Ближайшее заседание — в мае.

— Сейчас октябрь.

— Совершенно верно.

Лео встал. Подошёл к камину. Полено наконец разгорелось, но тепла от него почти не было, только дым, который уходил в трубу с тихим воем. Лео смотрел на огонь и считал про себя до десяти, как учил его отец, когда злился. «Досчитай до десяти, — говорил отец. — Если не поможет — до ста». Отец вообще редко злился. Он был спокойным человеком. Слишком спокойным. Теперь Лео понимал, что это было не спокойствие. Это была усталость. Отец знал то, чего Лео ещё не знал.

— Эшби, — сказал Лео, не оборачиваясь. — Я правильно понимаю: чтобы узнать, почему у меня нет денег, я должен попросить разрешения у людей, которые эти деньги тратят?

— Это упрощённая трактовка, милорд. Совет не тратит деньги. Совет контролирует отчётность.

— Кто входит в совет?

— Я, как управляющий. Господин Грейвз, казначей. Матушка Абигайль, представитель арендаторов. И мастер Флинн, юрист.

— Я хочу их видеть. Завтра. Всех.

Эшби поклонился.

— Я разошлю уведомления. Но должен предупредить: мастер Флинн сейчас в отъезде. Он ведёт дело в суде графства. Матушка Абигайль болеет. Господин Грейвз будет рад вас принять, но его контора находится в Верхних Топях, и дорога туда сейчас в отвратительном состоянии. Потребуется время.

— Сколько?

— Полагаю, недели две-три. Если повезёт с погодой.

Лео досчитал до ста. Потом до двухсот. Потом повернулся. Эшби стоял всё в той же позе — ровно, руки по швам, папка прижата локтем к боку. Его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Хорошо. Пока я жду, я хочу осмотреть поместье. Земли, постройки, деревни. И я хочу видеть текущие счета. Не архив, не отчёты за три года — просто текущее состояние. Сколько денег в кассе? Каковы долги? Кому мы должны и сколько?

— Текущие счета веду я. Я могу подготовить выписку.

— Дайте сейчас.

— Сейчас черновик, — сказал Эшби и чуть покрепче прижал папку локтем. — Я приведу цифры в порядок и представлю завтра утром.

Лео хотел сказать: «Я возьму черновик». Но понял, что не знает, что делать с черновиком. Он не умел читать бухгалтерские книги. Отец никогда не учил его этому. Зачем? «Там всё налажено».

— Хорошо. Завтра утром.

Эшби поклонился и вышел. Его шаги стихли в коридоре, и Лео остался один в библиотеке, среди книг, которые никто не читал сто лет, и портретов, которые смотрели со стен слепыми светлыми глазами. Он сел обратно в кресло и закрыл лицо руками. Ему было двадцать три года, он был лордом

трёх тысяч акров, и он не знал, сколько у него денег.

Утром выписка лежала на столе. Лист бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком. Лео прочитал его трижды, прежде чем понял, что ничего не понимает. Там были колонки цифр, подзаголовки «Приход», «Расход», «Сальдо», но цифры не складывались. То есть они складывались, но общий итог был таким, что, судя по нему, поместье не приносило ни гроша. Хуже того — оно было должно. Долг был небольшой, но Лео не мог понять, откуда он взялся и кому.

— Эшби, — позвал он.

Управляющий возник на пороге почти мгновенно. Как будто ждал за дверью.

— Я не понимаю. Вот здесь, в графе «расходы», что значит «Содержание дорожной комиссии»? Что это за комиссия?

— Дорожная комиссия была создана в двести сорок девятом году для надзора за состоянием дорог общего пользования на территории поместья.

— Но вы вчера сказали, что дороги — это ведение графства.

— Да. Но надзор — наша обязанность. Комиссия проверяет состояние дорог и подаёт отчёты в дорожный департамент графства.

— Кто входит в комиссию?

— Председатель, секретарь, два инспектора и кучер.

— Кучер? Мой кучер?

— Да. Кучер по должности является членом дорожной комиссии, потому что он чаще всех пользуется дорогами.

Лео представил себе кучера, который вчера месил грязь у моста, и то, как он сидит на заседании и подписывает протоколы. Ему стало смешно. Но смех застрял где-то в горле.

— Сколько получают члены комиссии?

— Председатель — два с половиной золотых в месяц. Секретарь — два. Инспектора — по одному с половиной. Кучер — половину золотого.

— И сколько лет существует эта комиссия?

— С двести сорок девятого года.

Лео посчитал в уме. Семьдесят четыре года. Семьдесят четыре года люди получали деньги за то, что смотрели на дороги, которые никто не чинил.

— Ещё вопрос, — сказал он. — Что такое «компенсация за неудобства арендаторам»? Почему мы платим арендаторам? Это же они должны платить нам.

— Это временная мера, введённая советом восемь лет назад. Из-за неурожаев и плохого состояния дорог арендаторам трудно вывозить продукцию на рынок. Они терпят убытки. Чтобы они не разорились совсем и не бросили землю, совет постановил выплачивать им компенсацию из доходов поместья.

— Мы платим им за то, что они не платят нам?

— Это можно сформулировать и так. Но это социальная мера. Если арендаторы уйдут, земля зарастёт, и мы потеряем

ещё больше.

Лео отложил выписку. Ему казалось, что комната слегка покачивается, как экипаж на ухабах.

— Я хочу видеть протоколы совета за последние десять лет.

— Протоколы в архиве, милорд.

— Который опечатан.

— Именно так.

Лео встал. Он вдруг ощутил страшную, почти физическую усталость. Как будто воздух в доме был густой, как сироп, и каждое движение требовало усилий. Он подошёл к окну. Дождь снова пошёл — мелкий, серый, бесконечный. Капли стекали по стеклу, оставляя грязные дорожки.

— Я хочу посмотреть архив, — сказал он, не оборачиваясь. — Прямо сейчас.

— Печать не может быть снята без решения совета.

— Кто наложил печать?

— Совет.

— Когда?

— Двенадцать лет назад. После ревизии, проведённой по распоряжению вашего отца.

Лео обернулся. Это было новостью. Отец распорядился провести ревизию? Отец, который никогда не открывал папки с отчётами?

— Зачем отец распорядился о ревизии?

— Не могу знать. Я тогда ещё не был управляющим. Я был

помощником предыдущего управляющего, господина Трелони. Он умер десять лет назад.

— От чего?

— От сердца. У него было слабое сердце.

Лео снова отвернулся к окну. Он смотрел, как дождь заливает заброшенный парк, как мокнут голые ветки, как вода стекает по сломанной трубе на ступени. Ему казалось, что дом пропитан этой водой насквозь. Что она просачивается через крышу, через стены, через пол. И вместе с ней просачивается что-то ещё. Что-то, чему он пока не мог найти названия.

— Вы свободны, Эшби, — сказал он.

Управляющий поклонился и исчез.

День прошёл в каком-то тумане. Лео бродил по дому, открывал двери, заглядывал в пустые комнаты. Везде было одно и то же: пыль, паутина, запах сырости. Мебель стояла под чехлами, но чехлы сгнили и рассыпались от прикосновения. В бальной зале на паркете проступали тёмные пятна, похожие на контуры неведомых материков. На втором этаже Лео нашёл галерею с портретами — совсем древними. Лица были уже не видны, только смутные овалы, обрамлённые потускневшим золотом. Под одним портретом висела табличка: «Лорд Артур Колдвелл, Основатель». Лео долго смотрел на стёртое лицо пра-пра-прадеда. Основатель. Тот, кто построил этот дом. Тот, у кого были деньги. Тот, кто оставил своим потомкам три тысячи акров, две деревни, мельницу и

винокурню. А они оставили своим потомкам — что? Сорок семь папок, которые никто не открывал?

Ночью Лео долго не мог уснуть. Ему отвели спальню на втором этаже, большую, с камином и балдахином над кроватью. Балдахин был изъеден молью. В камине дымило. Лео лежал и слушал, как дом скрипит. Старые дома всегда скрипят, это он знал. Но этот дом скрипел по-особенному — не так, как скрипит дерево от перепадов температуры, а так, как скрипит что-то живое. Что-то, что шевелится в стенах. Медленно, вкрадчиво, миллиметр за миллиметром, но непрерывно. Как плесень, которая растёт в темноте.

Лео встал босиком и подошёл к стене. В лунном свете он увидел, что обои над плинтусом пошли волнами и покрылись мелкими тёмными крапинками. Он провёл пальцем — крапинки были чуть влажные. Плесень. Обычная плесень. От сырости. Нужно просушить дом, починить трубу, наладить вентиляцию. Нужно просто взять и сделать.

Он лёг обратно и стал думать о том, что сделает завтра. Завтра он пойдёт в Верхние Топи, найдёт казначея и потребует ключи от архива. Или нет — он пошлёт кучера с письмом. Или он напишет в совет графства и потребует разъяснений по мосту. Или он сам починит эту чёртову водосточную трубу — просто возьмёт молоток и гвозди.

С этими мыслями он уснул.

На следующий день он проснулся поздно. За окном было всё то же серое небо. Он умылся холодной водой из кув-

шина — горячей не было, слуги сказали, что бойлер сломан, и чтобы починить бойлер, нужен мастер, а мастер уехал и неизвестно когда вернётся. Лео спустился в столовую. На столе лежала записка от Эшби: «Милорд, ввиду вашего желания ознакомиться с текущим положением дел, я взял на себя смелость подготовить перечень необходимых для этого документов. Список прилагается».

Под запиской лежал список. На трёх страницах. Пункты были пронумерованы, и в конце каждого стояла пометка о том, где можно получить данный документ. Реестр земельных угодий (архив, опечатан). Кадастровый план за последние пять лет (земельный департамент графства, запрос по форме А-7). Книга учёта арендных платежей (казначей, требуется личное присутствие). Акт оценки состояния построек (дорожная комиссия, требуется созыв комиссии, созыв — по заявке, форма Б-2). Журнал ревизии двадцатилетней давности (архив, опечатан). И так далее. Всего сорок два пункта.

Лео прочитал список. Потом ещё раз. Потом положил его на стол и стал есть холодную яичницу, которую подали слуги. Яичница была невкусная. Хлеб был чёрствый. Кофе был жидкий, почти прозрачный. Но Лео ел. Он вдруг понял, что проголодался. И ещё он понял, что список — это проверка. Эшби проверяет, насколько у нового лорда хватит терпения. И Лео решил, что терпения у него хватит. Он молод. Он полон сил. Он получит все сорок два документа, даже если для этого придётся разнести архивную дверь топором.

Он не знал тогда, что топор не поможет. Что дверь архива сделана не из дерева. Что она сделана из времени.

После завтрака он пошёл искать топор. Нашёл в сарае, ржавый, с расшатанной рукояткой. Долго точил его о камень, пока сталь не заблестела. Потом пошёл к архиву. Это была пристройка с отдельным входом, в дальнем конце восточного флигеля. Тяжёлая дубовая дверь, обитая железными полосами. На косяке — сургучная печать с оттиском герба Колдвеллов. Печать потрескалась от времени, но держалась крепко.

Лео замахнулся топором. И опустил его. Не потому, что боялся. А потому, что вдруг представил: вот он вышибает дверь, входит внутрь, достаёт бумаги. А дальше? Он прочитает их? Он поймёт, что в них написано? Он знает, что делать с этой информацией? Или он просто наделает шума, а через неделю уедет обратно в столицу, а здесь всё останется как было? Только печать будет сломана, и Эшби будет смотреть на него с молчаливым укором, и совет будет писать протокол о несанкционированном проникновении, и к следующему заседанию — в мае — будет готов ещё один документ, осуждающий действия лорда. И этот документ тоже ляжет в архив. И будет ждать следующего лорда. Или его сына. Или его внука.

Лео опустил топор. Прислонил его к стене. И пошёл обратно в дом, чтобы написать первое прошение о выдаче разрешения на доступ к архиву.

Дождь продолжался.

Прошение он писал три дня. Не потому что не умел писать. А потому что Эшби каждый день находил в тексте ошибки. Первый день: «Милорд, в прошении нужно указать точные реквизиты запрашиваемых документов. Общая формулировка все бумаги не принимается к рассмотрению». Второй день: «Милорд, в прошении нужно указать цель доступа. Без указания цели совет не имеет правовых оснований удовлетворить запрос». Третий день: «Милорд, прошение должно быть подано в трёх экземплярах, заверенных вашей личной печатью. У вас есть личная печать? Нет? Тогда нужно заказать печать. Гравёр в Верхних Топях, но он сейчас болеет».

На четвёртый день Лео поехал в Верхние Топи сам. Экипаж опять застрял — на этот раз у Мельничного брода, где вода поднялась из-за дождей и перелилась через колёса. Лео вышел, перешёл брод вброд, промочив сапоги, и пошёл пешком. До деревни было две мили. Он шёл под дождём, по глинистой дороге, мимо полей, которые заросли сорняком. На полях никто не работал. Арендаторы сидели по домам и получали компенсацию.

В деревне он нашёл дом казначея. Грейвз оказался толстым человеком с одышкой, который сидел в кресле у камина и пил чай с мёдом. Пахло от него лекарствами и старым сукном. Он принял Лео радушно, усадил, предложил чаю. Когда Лео заговорил о документах, Грейвз закивал, заохал,

сказал, что «всенепременно», «как только, так сразу», «дайте только срок». Но для начала нужно, чтобы лорд заполнил формуляр запроса. Формуляр — три страницы. Потом нужно, чтобы формуляр заверил управляющий. Потом — совет. Потом — матушка Абигайл, потому что она представляет арендаторов, а в документах есть их персональные данные, нужно согласие на разглашение.

— Но я лорд, — сказал Лео. — Какие персональные данные? Это мои арендаторы. На моей земле.

— Формально — да, — сказал Грейвз и отхлебнул чаю. — Но с двести пятьдесят восьмого года действует «Положение о защите персональных данных арендаторов», утверждённое советом. Оно было введено после того, как один из предыдущих лордов, кажется, ваш дядя, использовал данные о доходах арендаторов для повышения ренты. Это вызвало бунт. С тех пор — только с согласия представителя.

Лео хотел сказать, что дядя, о котором он впервые слышит, не имеет к нему отношения. Но понял, что это бессмысленно. Положение есть. Оно написано. Оно лежит где-то в архиве.

Он вернулся в дом поздно вечером, мокрый, грязный и злой. В библиотеке горела свеча. На столе лежал новый документ. «Уведомление о необходимости предоставления дополнительных сведений для рассмотрения прошения о доступе к архиву». Пять пунктов. Срок ответа — десять дней.

Лео сел за стол. Обмакнул перо. И начал писать ответ.

За окном падал дождь. В камине дымило. На стенах, под старыми обоями, медленно разрасталась плесень. Её никто не видел. Но она была повсюду.

Форма А-7

Зима пришла незаметно. Сначала просто перестал идти дождь, потом лужи на дороге затянуло тонким льдом, а потом выпал снег — мокрый, тяжёлый, который тут же таял, превращая дорогу в месиво, а к ночи замерзал, и наутро колеса экипажа ломали ледяную корку с хрустом, похожим на звук разрываемой бумаги. Лео привык к этому звуку. За два месяца он слышал его почти каждый день.

Он похудел. Сюртук, который сидел на нём в столице как влитой, теперь болтался в плечах. Лицо стало суше, скулы выступили резче, под глазами залегли тени, которые не проходили, даже когда он высыпался. А высыпался он редко. По ночам он сидел в библиотеке при свечах и читал бумаги — те, что удавалось получить без разрешения совета. Их было мало, и все они были бесполезны. Выписки из налоговых книг десятилетней давности. Копии счетов за ремонт конюшни, сделанный ещё при деде. Переписка Эшби с каким-то поставщиком сена, которая оборвалась на полуслове пять лет назад.

Но он читал. Он уже не мог остановиться. Бумаги затягивали его, как трясина затягивает лошадь — медленно, незаметно, сантиметр за сантиметром. Сначала ты думаешь, что просто хочешь разобраться в делах. Потом ты понимаешь, что разобраться невозможно, пока не получишь ещё один

документ. А чтобы получить этот документ, нужно заполнить три формы. А чтобы заполнить формы, нужно выяснить, где лежат исходные данные. А исходные данные лежат в архиве. А архив опечатан. И круг замыкается, и ты уже не можешь выйти из этого круга, потому что каждый новый документ рождает три новых вопроса, а каждый ответ стоит две недели ожидания.

Лео это понимал. В какие-то моменты — обычно под утро, когда свечи догорали, и комната наполнялась сизым дымом, и за окном начинало сереть — он откидывался в кресле и говорил себе: «Остановись. Это ловушка. Ты тра-тишь жизнь на бумаги, которые ничего не изменяют». Но потом наступал день, и приходил Эшби с новой папкой, и говорил своим ровным, бесцветным голосом: «Милорд, по вашему запросу касательно кадастрового плана — земельный департамент графства прислал уведомление о том, что форма А-7, которую вы заполнили, устарела. С первого января вводится новая форма — А-7-бис. Я взял на себя смелость подготовить бланк». И Лео брал бланк, и садился заполнять, потому что ему казалось: вот сейчас, ещё один документ, и что-то сдвинется с мёртвой точки.

Ничего не сдвигалось.

В середине декабря он получил письмо от Элизы. Его невесты. Они были помолвлены уже год, свадьбу отложили из-за смерти отца, и Элиза ждала в столице. Письма от неё приходили раз в неделю — сначала длинные, на трёх стра-

ницах, с описаниями балов, новых платьев и сплетен об общих знакомых. Лео читал их с трудом. Сплетни казались ему чужими, балы — далёкими, как будто с другой планеты. Он отвечал коротко: «У меня всё хорошо, дел много, скоро разберусь и приеду». Потом письма стали короче. Потом она перестала спрашивать, когда он вернётся.

Декабрьское письмо было из трёх строк: «Лео, папа спрашивает, назначена ли дата. Ответь что-нибудь. Элиза».

Лео посмотрел на письмо. Потом на стол, заваленный бумагами. Потом на форму А-7-бис, в которой он уже нашёл ошибку — в шестой графе нужно было указать кадастровый номер участка, но кадастровый номер был только в старом плане, который лежал в архиве. Он хотел написать Элизе: «Дата пока не назначена, потому что я не могу получить доступ к собственному архиву, и если я сейчас уеду, всё пойдёт прахом». Но потом подумал, что она не поймёт. Как она может понять? Она никогда не была в этом доме. Она не знает, что такое прошение в трёх экземплярах.

Он написал: «Дорогая Элиза, надеюсь, к весне всё разрешится. Целую. Лео».

Отправил и забыл. У него не было времени думать об Элизе. У него было дело. Важное дело. Он должен был получить кадастровый план.

Через неделю пришёл ответ из дорожного департамента. Не тот ответ, которого он ждал, а уведомление о том, что его запрос на ремонт моста через Овражий ручей — который

он всё-таки написал, заполнив пять форм и приложив акт осмотра, составленный дорожной комиссией, — этот запрос не может быть рассмотрен, потому что к нему не приложен акт осмотра, составленный дорожным департаментом. Акт дорожной комиссии недействителен, поскольку комиссия не имеет лицензии на проведение осмотров мостов. Лицензию можно получить в дорожном департаменте, заполнив форму Б-2.

Лео прочитал это, сидя за столом в библиотеке. Эшби стоял напротив, сложив руки на груди. За окном шёл снег — на этот раз сухой, колючий, который ветер швырял в стёкла с тихим шорохом.

— Эшби, — сказал Лео. — Почему дорожная комиссия не имеет лицензии, если она существует семьдесят четыре года?

— Лицензии были введены двенадцать лет назад, — сказал Эшби. — После ревизии, которую инициировал ваш отец. Тогда же были введены новые формы отчётности. Но дорожная комиссия не подала заявку на получение лицензии в установленный срок.

— Почему?

— Не могу знать. Я тогда был помощником управляющего. Возможно, господин Трелони счёл, что это излишне. Или заявка была подана, но потерялась. Или срок подачи был пропущен по недосмотру секретаря.

— Кто был секретарём?

— Некий господин Паркер. Он уволился десять лет назад и уехал. Кажется, на юг.

— Кажется?

— Точно неизвестно. Он не оставил адреса.

Лео отложил письмо департамента. Оно было написано на серой бумаге, казённым почерком, с гербовой печатью в углу. От бумаги пахло пылью и чем-то кислым — может, клеем, может, плесенью. Лео уже научился различать запахи официальных документов. У каждого департамента был свой запах. У дорожного — кислый. У земельного — сладковатый, как гнилые яблоки. У налогового — резкий, отдающий уксусом. Он не знал, почему так. Может, бумагу обрабатывали разными составами. А может, это просто чудилось ему от усталости.

— Хорошо, — сказал он. — Я заполню форму Б-2. Дайте бланк.

Эшби достал из папки бланк. Это был лист плотной бумаги, разграфлённый на клетки. Сверху было написано: «Форма Б-2. Заявление о выдаче лицензии на проведение осмотров мостов и мостовых сооружений». Далее шли графы: наименование организации, адрес, количество членов, стаж работы, перечень осмотренных мостов за последние пять лет. Последнее требование было особенно прекрасно: чтобы получить лицензию на осмотр мостов, нужно было указать, какие мосты ты уже осмотрел. Но чтобы осмотреть мосты легально, нужна лицензия.

Лео посмотрел на Эшби.

— Это шутка? — спросил он.

— Никак нет, милорд. Стандартная процедура.

— Как мы можем указать перечень осмотренных мостов, если у нас нет лицензии на осмотр?

— Можно указать мосты, осмотренные до введения лицензий. Семьдесят четыре года — достаточный срок. Дорожная комиссия осмотрела много мостов.

— Но акты осмотра недействительны без лицензии. Вы сами сказали.

— Да. Но для получения лицензии они могут быть приняты как доказательство опыта. Парадокс, но департамент обычно идёт навстречу в таких случаях.

Лео хотел спросить: «Если они идут навстречу, почему они не приняли акт осмотра моего моста?» Но он уже знал ответ. Потому что акт осмотра моего моста был составлен сейчас, а не до введения лицензий. Потому что это другой случай. Потому что всегда находится причина, по которой ваш конкретный случай не подходит под общее правило. Потому что правила написаны так, чтобы под них нельзя было подойти.

Он взял бланк и начал заполнять. Рука дрожала — он слишком много пил кофе в последнее время и слишком мало спал. Буквы получались неровные, прыгали по строчкам. Он испортил два бланка, прежде чем заполнил третий более-менее прилично. Эшби стоял и ждал. Когда Лео закон-

чил, управляющий взял бланк, внимательно просмотрел и сказал:

— Здесь нужно указать регистрационный номер организации.

— Какой регистрационный номер?

— Дорожная комиссия должна быть зарегистрирована в реестре организаций графства. Это было введено в двести шестьдесят первом году.

— И она зарегистрирована?

— Боюсь, нет. Ваш отец не подавал заявку на регистрацию.

— Мой отец был при смерти последние два года.

— Регистрацию можно подать задним числом. Для этого нужно заполнить форму Г-4 и приложить копию устава комиссии. Устав у нас есть. Он лежит в архиве.

Лео положил перо. Очень аккуратно, чтобы не сломать. Потом встал, подошёл к окну и стал смотреть на снег. Сугробы у крыльца выросли уже до половины окна первого этажа. Если так пойдёт дальше, к весне дом занесёт полностью, и они будут откапываться через крышу. Мысль была даже приятная. По крайней мере, никто не сможет принести ему очередную форму.

— Эшби, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы понимаете, что это безумие? Чтобы починить мост, который находится в двадцати минутах ходьбы от этого дома, я должен: получить доступ к архиву, для чего нужно решение совета. Совет

соберётся в мае. Допустим, совет разрешит. Тогда я достану устав комиссии. Заполню форму Г-4, зарегистрирую комиссию. Потом заполню форму Б-2, получу лицензию. Потом комиссия — та самая, которая существует семьдесят четыре года, но теперь уже с лицензией, — осмотрит мост и составит акт. Потом я пошлю акт в дорожный департамент. Потом департамент рассмотрит его и, возможно, пришлёт инспектора. Инспектор осмотрит мост и составит свой акт. Потом я получу разрешение на ремонт. Потом я найму рабочих. И потом, через год-два, мост починят. При условии, что он не рухнет за это время. Вы понимаете, что это безумие?

В комнате повисла тишина. Слышно было, как потрескивает свеча и как снег шуршит по стеклу.

— Я понимаю, милорд, — сказал Эшби. Его голос звучал так же ровно, как всегда, но в нём появилась какая-то новая нота. Что-то почти человеческое. — Но я служу здесь тридцать восемь лет. И я давно перестал думать о том, что безумно, а что нет. Есть процедура. Я следую процедуре. Если я перестану ей следовать, я потеряю место. На моё место придёт другой человек, который будет следовать процедуре так же, как я. Или, возможно, чуть иначе. Но процедура останется.

Лео обернулся. Старик стоял всё в той же позе, но теперь Лео видел его по-другому. Не врага. Не препятствие. Просто ещё одну деталь механизма, который работает неизвестно зачем и неизвестно с какой целью, но работает, и остано-

вить его нельзя, потому что у него нет выключателя.

— У вас есть дети, Эшби? — спросил Лео.

— Дочь. Она замужем за клерком из земельного департамента.

— Хороший человек?

— Хороший. Очень старательный. У него уже третья степень допуска. К тридцати годам.

Лео не знал, что такое третья степень допуска, но спрашивать не стал. Он вдруг почувствовал страшную, свинцовую усталость. Не физическую — с физической он уже свыкся. А усталость другого рода. Усталость от бессмысленности. От того, что каждый шаг вперёд на самом деле шаг в болоте, и нога уходит всё глубже, и вытащить её уже нельзя, можно только стоять на месте и ждать, пока засосёт окончательно.

— Идите, Эшби. Я заполню форму Г-4 завтра.

Эшби поклонился и вышел. Лео остался один. Он подошёл к столу, взял форму Б-2, посмотрел на неё, потом смял и бросил в камин. Бумага вспыхнула, скрутилась, почернела. Но он знал, что завтра попросит новый бланк. И заполнит его. Потому что не заполнить он не мог. Что-то держало его. Что-то внутри него самого.

Месяц шёл за месяцем. Январь выдался морозный, снег скрипел под сапогами, и Лео каждый день ходил пешком в Верхние Топи — просто чтобы двигаться. Он разговаривал с арендаторами. Это были угрюмые, неразговорчивые люди, которые смотрели на него исподлобья и отвечали однослож-

но. Они не ждали от нового лорда ничего хорошего. Превенные лорды — его отец, его дед, его прадед — ничего для них не делали. Только присылали управляющих, которые собирали ренту и требовали заполнять бумаги. Бумаг становилось всё больше. Рента всё росла, хотя урожаи падали, потому что поля истощились, а новые никто не расчищал — для расчистки новых полей требовалось разрешение лесного департамента, а лесной департамент требовал план лесонасаждений, а план требовал согласования с дорожным департаментом, потому что новые поля требовали новых дорог, а новые дороги требовали новых мостов.

Всё было связано со всем. Лео начал это видеть. Система была не просто набором дурацких правил. Это была сеть, сплетённая так тонко и плотно, что ни одно звено нельзя было вытащить, не потянув за собой десяток других. Хочешь починить мост — получи лицензию. Хочешь получить лицензию — зарегистрируй комиссию. Хочешь зарегистрировать комиссию — достань устав. Хочешь достать устав — походи в архив. Хочешь попасть в архив — дождись совета. А совет заседает раз в год. А на заседании совета нужно утвердить повестку. А чтобы утвердить повестку, нужно согласовать её с казначеем. А казначей болеет и не принимает. А когда принимает, просит заполнить формуляр. А формуляр меняется каждый год. А новый формуляр лежит в архиве.

И так до бесконечности.

В феврале Лео получил письмо от юриста, мастера Флин-

на. Тот наконец вернулся из своей поездки и извещал, что будет рад встретиться с лордом в любое удобное время. Лео поехал к нему на следующий же день. Контора Флинна находилась в Нижних Топях, в добротном каменном доме с зелёными ставнями. Внутри пахло табаком, сургучом и старыми книгами. Сам Флинн оказался маленьким, круглым человеком с лысиной и очками на кончике носа. Он всё время улыбался, но улыбка была какая-то профессиональная, как у дантиста, который собирается рвать зуб и заранее сочувствует вашей боли.

— Лорд Колдвелл! Какая честь! — Флинн усадил Лео в кресло, предложил трубку (Лео отказался), чай (Лео согласился). — Я слышал, вы активно взялись за дела. Похвально, похвально. Молодость, энергия. Ваш батюшка, упокой Создатель его душу, в последние годы был, скажем так, пассивен.

— Я хочу понять, что происходит с поместьем, — сказал Лео. — И почему я не могу получить доступ к архиву.

Флинн отхлебнул чай, поболтал чашкой, разгоняя чайники. Улыбка стала чуть напряжённее.

— Архив опечатан по решению совета от двести шестьдесят первого года. Решение было принято в связи с результатами ревизии, инициированной вашим отцом.

— Что показала ревизия?

— Э-э-э... Видите ли, милорд, я не могу вам этого сказать. Результаты ревизии находятся в архиве.

Лео закрыл глаза и досчитал до десяти. Потом открыл.

— Мастер Флинн. Вы были членом совета в тот момент?

— Да. И остаюсь до сих пор.

— Значит, вы участвовали в голосовании о наложении печати.

— Да.

— Значит, вы знаете результаты ревизии.

— Знал. Двенадцать лет назад. Но протоколы заседаний совета также находятся в архиве. Без них я не могу восстановить детали. Память, знаете ли, уже не та.

Лео посмотрел на него долгим взглядом. Флинн выдержал взгляд, не отводя глаз. Его улыбка стала чуть шире.

— Мастер Флинн, — сказал Лео. — Я правильно понимаю: всё, что касается моего поместья, либо находится в архиве, либо требует архивных данных для получения, либо ссылается на документы, которые в архиве?

— В общем и целом — да. Это побочный эффект хорошего делопроизводства.

— Хорошего делопроизводства?

— Безусловно. У нас одна из лучших систем учёта в графстве. Каждый документ зарегистрирован, каждая операция задокументирована. Мы ничего не теряем. Всё хранится. Просто иногда нужно время, чтобы найти нужную бумагу.

— Но архив опечатан.

— Это временная мера. Совет собирается в мае. Осталось три месяца. Три месяца — не срок.

Лео допил чай. Чай был хороший, с бергамотом, но ему казалось, что он пьёт горячую воду с привкусом пыли. Он поставил чашку и встал.

— Я хочу, чтобы вы подготовили юридическое заключение: имеет ли лорд право вскрыть архив без решения совета в случае чрезвычайных обстоятельств.

— Каких обстоятельств? — спросил Флинн, и его улыбка наконец погасла.

— Например, если дом рушится. Или мост падает. Или арендаторы голодают.

— Это не чрезвычайные обстоятельства. Это текущее состояние. Текущее состояние регулируется плановыми процедурами.

— А что тогда чрезвычайные обстоятельства?

Флинн снял очки, протёр их платком, снова надел. Он больше не улыбался.

— Милорд, чрезвычайные обстоятельства — это, например, война. Или пожар, уничтоживший здание совета вместе со всеми членами. Или королевский указ о роспуске попечительских советов. Но последнее маловероятно. Попечительские советы учреждены королевским же указом от двести тридцать седьмого года. Чтобы их распустить, нужно отменить тот указ. А чтобы отменить указ, нужно собрать комиссию. А комиссия...

— Будет заседать десять лет, я понял, — сказал Лео.

Он пошёл к двери. У порога обернулся.

— Мастер Флинн, а вы помните, зачем вообще был создан попечительский совет? Триста лет назад, когда мой предок построил этот дом, не было никаких советов. Он просто управлял своей землёй. И был богат. Что изменилось?

Флинн посмотрел на свои руки. Потом на чашку с чаем. Потом на книжные полки, уставленные томами законов.

— Честно, милорд? Я не знаю. Я изучал этот вопрос в молодости. В архиве есть устав совета. Я читал его. Но за давностью лет я не помню формулировок. Там было что-то про «упорядочение» и «недопущение злоупотреблений». Кажется, ваш прапрадед поссорился с управляющим, и тот украл деньги. И тогда был создан совет, чтобы управляющий не мог воровать. Потом совет создал комиссию по надзору за управляющим. Потом комиссия создала подкомиссию по проверке отчётов. Потом оказалось, что отчёты слишком сложны для одного подкомиссии, и создали аудиторский отдел. А потом уже никто не помнил, с чего началось. Но к тому времени система работала. И менять её никто не захотел. Потому что менять — это риск. А рисковать никто не любит.

Лео вышел на улицу. Шёл снег. Мокрый, февральский, с дождём пополам. Он стоял на крыльце конторы Флинна и смотрел, как снежинки падают в грязь и исчезают. Ему казалось, что он сам — такая снежинка. Падает. Исчезает. И никто не замечает.

В марте пришло письмо от Элизы. Не письмо — записка. «Лео, папа расторг помолвку. Он говорит, ты никогда не

вернёшься. Я выхожу за Генри Мортимера. Прощай».

Лео прочитал записку дважды. Потом положил на стол. Потом взял форму Г-4, которую он заполнял уже пятый раз — потому что каждый раз находилась ошибка, то в дате, то в написании имени, то в нумерации приложений, — и продолжил писать. У него не было времени переживать. У него было дело. Важное дело. Он должен был зарегистрировать дорожную комиссию, чтобы получить лицензию, чтобы осмотреть мост, чтобы подать заявку на ремонт, чтобы... Зачем? Он уже не помнил. Но он писал. Буквы прыгали перед глазами, рука дрожала, но он писал.

Вечером пришёл Эшби. Он принёс ужин — холодное мясо и хлеб. Лео ел, не чувствуя вкуса. Эшби стоял у стола и ждал.

— Милорд, — сказал он наконец. — Я хотел бы обратить ваше внимание на один момент.

— Какой?

— Вы работаете уже пять месяцев. За это время вы отправили тридцать семь запросов, заполнили сто двенадцать форм и получили восемь отказов и двадцать девять уведомлений о необходимости предоставить дополнительные сведения. Ни одно дело не сдвинулось с мёртвой точки. Ни одно решение не принято. Ни одна проблема не решена. Мост всё ещё сломан. Архив всё ещё опечатан. Доходы всё ещё падают.

— Я знаю, — сказал Лео.

— Я говорю это не в упрёк. Я говорю это... — Эшби за-
пнулся. Впервые на памяти Лео он не мог подобрать слова.
— Я говорю это как предупреждение. Ваш отец тоже начи-
нал с ревизии. Он потратил на это три года. Потом он пере-
стал. Просто перестал. И прожил ещё девять лет, не открыв
ни одной папки. Он был спокойным человеком.

— Я не мой отец, — сказал Лео.

— Да, — сказал Эшби. — Пока.

Он вышел. Лео остался один. Он смотрел на стопку бумаг
и думал: «Пока». Что значит «пока»? Что через три года он
тоже перестанет? Или через пять? Или через десять?

Он взял перо. Обмакнул в чернила. И продолжил писать.

За окном таял снег. Где-то под полом, в темноте и сыро-
сти, разрасталась плесень. Она была невидима. Но если бы
кто-то мог её видеть, он увидел бы, что её нити пронизывают
весь дом. Стены, балки, перекрытия. И не только дом. Они
тянулись под землёй, к конторе Флинна, к дому казначея,
к департаментам графства, к канцеляриям, к архивам. Вся
страна была опутана этой сетью. Тонкой, как паутина. Проч-
ной, как сталь. И в центре этой сети сидел молодой человек,
лорд трёх тысяч акров, и заполнял форму Г-4. Пятый раз.

Он не знал, что форма Г-4 — это не документ. Это нить.
Ещё одна нить в сети, которую он сам плетёт вокруг себя.

Но скоро он это узнает.

Скоро он поймёт, что плесень — это не Эшби. Не Флинн.
Не Грейвз. Не дорожный департамент. Плесень — это то, что

заставляет его заполнять формы, когда нужно просто взять топор и вышибить дверь. Плесень — это голос внутри, который говорит: «Подожди. Ещё один документ. Ещё одна подпись. Ещё одно согласование. И тогда всё получится».

Этот голос звучал в его голове каждый день. И Лео слушал его. Потому что не слушать было страшнее. Потому что если не слушать, нужно было признать: он ничего не может изменить. И тогда — зачем всё? Зачем он здесь? Зачем он оставил Элизу, друзей, столицу? Чтобы сидеть в холодном доме и заполнять бумаги, которые ничего не решают?

Нет. Он что-то решит. Он обязательно что-то решит. Вот только заполнит форму Г-4. Потом — Б-2. Потом дождётся совета. Апрель уже скоро. В мае совет соберётся, и он получит доступ к архиву. И тогда всё изменится.

Обязательно изменится.

Свечи догорали. За окном выл ветер. Дом скрипел — тихо, вкрадчиво, миллиметр за миллиметром. Как плесень, которая растёт в темноте.

Лео писал. Буквы расплывались перед глазами. Он тёр веки и продолжал писать.

Он не знал, что май ничего не изменит.

Или знал, но не хотел себе признаваться.

Потому что признаться — значит сдаться. А сдаваться он не умел.

Майское заседание

Май пришёл, как приходит запоздалый гость — неожиданно и некстати. Снег сошёл ещё в апреле, обнажив чёрную, мокрую землю, усеянную прошлогодними листьями и всяким мусором, который зима прятала под белым покровом. Дороги развезло так, что проехать нельзя было ни в телеге, ни верхом. Лео ходил пешком, в высоких сапогах, которые промокали за полчаса. Он уже не обращал на это внимания. Он вообще перестал обращать внимание на неудобства. Тело стало чем-то отдельным — оболочкой, которая требовала еды, сна и тепла, но не получала ни того, ни другого, ни третьего в достатке и постепенно училась обходиться минимумом.

За неделю до заседания совета он начал готовиться. Он пересмотрел все бумаги, которые сумел накопить за семь месяцев — те, что не требовали архивных данных. Он составил список вопросов. Он пронумеровал их и расположил в порядке важности. Он написал проект решения, которое совет должен был принять. Он показал проект Эшби, и тот, прочитав, сказал: «В целом, милорд, это разумно. Но я бы посоветовал разбить на пункты и подпункты. Совет любит структурированные документы».

Лео разбил. Получилось семнадцать пунктов и сорок три подпункта. Эшби прочитал ещё раз и сказал: «Хорошо.

Очень хорошо. Но я бы добавил преамбулу. Без преамбулы решение может быть оспорено по формальным основаниям». Лео написал преамбулу. Потом ещё одну, потому что первая не понравилась Эшби — в ней не было ссылок на устав совета. Лео нашёл устав — не в архиве, а в библиотеке, в старом сундуке, где хранились копии, — и включил нужные ссылки. Потом оказалось, что в уставе есть примечание мелким шрифтом, и это примечание требует, чтобы любые решения, касающиеся архива, принимались квалифицированным большинством — три четверти голосов, а не простое большинство. Лео пересчитал голоса. В совете было четыре человека: Эшби, Грейвз, Флинн и матушка Абигайль, которую Лео до сих пор не видел, потому что она болела. Три четверти от четырёх — это три голоса. Значит, ему нужно было убедить троих.

— Как голосует совет? — спросил он Эшби. — Открыто? Тайно?

— Открыто. Каждый член совета высказывается устно, и его мнение заносится в протокол.

— А лорд имеет право голоса?

— Лорд не является членом совета. Таково положение.

Лео хотел спросить, почему лорд не является членом совета, созданного для управления его собственным поместьем. Но он уже знал ответ. Положение было написано двенадцать лет назад, по результатам ревизии, инициированной его отцом. Видимо, тогда кому-то показалось разумным, что

лорд не должен вмешиваться в работу совета. Или, вернее, лорд был тем, кого совет должен был контролировать. Круг замкнулся окончательно: орган, созданный для надзора за управляющим, стал органом, который управляет лордом.

День заседания выдался солнечный. Впервые за долгое время небо очистилось, и солнце, ещё нежаркое, но уже яркое, залило библиотеку светом. Лео велел открыть шторы и проветрить комнату — он хотел, чтобы совет проходил в нормальной обстановке, а не в пыльном полумраке. Слуги принесли стулья, расставили их вокруг дубового стола, постелили скатерть, поставили графин с водой и стаканы. Лео надел лучший сюртук, который у него был — тот самый, столичный, который теперь висел на нём мешком, но всё ещё выглядел прилично. Он побрился, причесался и даже побрызгался одеколоном, который стоял нетронутым с похорон отца. Ему хотелось выглядеть достойно. Ему хотелось, чтобы они увидели: перед ними не мальчик, не уставший затворник, а лорд Колдвелл, хозяин трёх тысяч акров, который знает, чего хочет.

Первым пришёл Эшби. Он был, как всегда, в чёрном сюртуке и с папкой под мышкой. Потом приковылял Грейвз — он опирался на палку и тяжело дышал, но держался бодро и даже улыбнулся Лео. За ним явился Флинн, маленький, круглый, с неизменной улыбкой дантиста. Он принёс с собой пухлый том законов графства и водрузил его на стол с таким видом, будто это была Библия. Последней пришла матушка

Абигайль.

Лео представлял её старухой — сгорбленной, седой, шаркающей. Но матушка Абигайль оказалась женщиной лет сорока пяти, крепкой, ширококостной, с красным обветренным лицом и руками, которые знали работу. На ней было тёмное платье и шерстяной платок, заколотый у горла брошью в виде цветка. Она вошла, оглядела библиотеку с откровенным неодобрением — как будто говоря: «И вот на это вы тратите деньги?» — и села на стул, сложив руки на коленях. От неё пахло дымом, хлебом и чем-то травяным. Лео вдруг понял, что за семь месяцев он ни разу не говорил с этой женщиной, хотя она представляла интересы людей, которые кормили поместье. Вернее, должны были кормить.

— Ну что ж, — сказал Лео, когда все расселись. — Благодарю вас, что собрались. Я понимаю, что у каждого свои дела и заботы. Но у меня есть вопросы, которые я хочу обсудить, и решения, которые я хочу предложить.

Он обвёл их взглядом. Эшби смотрел в стол. Грейвз утирал пот со лба платком. Флинн перелистывал свой том законов, делая вид, что что-то ищет. Матушка Абигайль смотрела прямо на Лео, и взгляд у неё был оценивающий, как у покупателя на ярмарке, который прикидывает, стоит ли овца запрошенных денег.

— Первый вопрос, — сказал Лео. — Доступ к архиву. Я хочу его получить. Мне нужен доступ, чтобы понять, что происходит с поместьем, куда уходят деньги и почему дохо-

ды падают двенадцать лет подряд.

Он замолчал, ожидая ответа. Молчание длилось долго. Слышно было, как в камине потрескивает огонь и как где-то наверху, на третьем этаже, скрипит половица — должно быть, слуги.

— Милорд, — сказал наконец Флинн. — Вопрос о доступе к архиву регулируется решением совета от двести шестьдесят первого года. Согласно этому решению, доступ к архиву может быть предоставлен только при наличии веских оснований и с соблюдением определённой процедуры.

— Какие основания считаются вескими?

— Это определяется советом в каждом конкретном случае. На прошлом заседании, например, рассматривался запрос дорожной комиссии о предоставлении доступа к старым картам. Запрос был отклонён, поскольку комиссия не смогла обосновать практическую необходимость.

— А я могу обосновать?

— Безусловно. Изложите ваши основания. Совет рассмотрит.

Лео изложил. Он говорил двадцать минут. О падающих доходах, о заброшенных полях, о сломанном мосте, о водосточной трубе, которая разрушает фундамент, о том, что он не может принять ни одного решения, потому что все данные — в архиве. Он говорил спокойно, стараясь не сбиваться на эмоции. Он видел, как Грейвз кивает, как матушка Абигайл хмурится, как Флинн делает пометки в своём блокноте. Эш-

би сидел неподвижно, как изваяние.

Когда Лео закончил, снова наступила тишина. Потом Флинн снял очки и протёр их платком.

— Это очень убедительно, милорд. Очень. Но я должен заметить, что ваше выступление, при всей его содержательности, не является формальным запросом. Формальный запрос должен быть подан в письменном виде, по форме, утверждённой советом.

— Я подавал запросы, — сказал Лео. — Десятки запросов. Они все где-то лежат.

— Я помню, — сказал Эшби, не поднимая глаз. — Они у меня. Но ни один из них не был составлен по правильной форме.

— А где взять правильную форму?

— В архиве, — сказал Флинн и развёл руками, как бы извиняясь за несовершенство мироустройства.

Лео досчитал до десяти. Потом до двадцати. Матушка Абигайль смотрела на него с интересом. Ему показалось, что уголки её губ чуть дрогнули — то ли усмешка, то ли сочувствие, не разобрать.

— Хорошо, — сказал Лео. — Пусть так. Я хочу, чтобы совет сейчас, на этом заседании, утвердил форму запроса. И я тут же её заполню.

— Это возможно, — сказал Флинн. — Но для утверждения новой формы требуется предварительное уведомление всех членов совета не менее чем за две недели до заседания.

Таково положение о регламенте.

— А если я хочу изменить сам регламент?

— Для изменения регламента требуется созыв внеочередного заседания совета. А для созыва внеочередного заседания требуется согласие трёх четвертей членов совета.

Лео обвёл взглядом присутствующих. Три четверти. Вот они, все четверо. Сидят перед ним. Трое из них могут прямо сейчас согласиться на внеочередное заседание. Или даже — могут прямо сейчас изменить регламент устным голосованием. Но они не станут. Он видел это по их лицам. Не потому, что они злые. Не потому, что они хотят ему навредить. А потому, что регламент — это святое. Регламент — это то, что защищает их от хаоса. От лордов, которые могут прийти и всё перевернуть. От перемен. От ответственности.

— Я хочу послушать матушку Абигайль, — сказал Лео. — Мы с вами ещё не говорили. Что вы думаете обо всём этом?

Женщина пошевелилась на стуле. Стул жалобно скрипнул под её весом. Она посмотрела на Лео, потом на Флинна, потом на Грейвза. Потом сказала:

— Я думаю, что люди в деревнях голодают.

Голос у неё был низкий, грудной, с хрипотцой — как будто она простудилась и не долечилась.

— Голодают? — переспросил Лео. — Но мы платим им компенсацию.

— Компенсация — это три мешка муки на семью в месяц. Три мешка — это не голод. Но это и не сытость. Дети пухнут.

Старики умирают. Мужики пьют, потому что делать нечего. Поля зарастают. Я говорила об этом совету в прошлом году. И в позапрошлом. Мне сказали, что вопрос решается.

— Кем решается? — спросил Лео.

— Им, — она кивнула на Грейвза.

Грейвз вспотел ещё сильнее. Он вытащил платок и промокнул лоб.

— Уверяю вас, матушка Абигайль, вопрос находится в стадии рассмотрения. Я подготовил докладную записку о состоянии сельского хозяйства в поместье. Она была направлена в совет. Совет ознакомился.

— Я не видел этой записки, — сказал Лео.

— Она в архиве, — сказал Эшби.

Лео не стал досчитывать до десяти. Он понял, что это бесполезно. Счёт до десяти не поможет. Счёт до ста не поможет. Поможет только одно — перестать играть в их игру. Но он пока не знал, как в неё не играть.

— Второй вопрос, — сказал он, меняя тему. — Ремонт моста через Овражий ручей. Я хочу, чтобы совет выделил деньги на ремонт.

— Сколько? — спросил Грейвз, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на интерес.

— Я не знаю. Нужна смета.

— Для сметы нужен осмотр моста, — сказал Флинн.

— Для осмотра нужна лицензия, — сказал Лео. — Я знаю. Я пять месяцев пытаюсь получить эту чёртову лицензию. Я

заполнил форму Г-4, чтобы зарегистрировать дорожную комиссию. Потом оказалось, что нужна ещё форма Г-5, потому что комиссия — это не просто организация, а организация с особым статусом. Потом форма Г-6. Теперь я жду ответа из регистрационной палаты графства. Они обещали ответить в течение трёх месяцев.

— Значит, вопрос решается, — сказал Флинн.

— Ничего не решается! — Лео ударил кулаком по столу. Графин подпрыгнул, стаканы зазвенели. Все вздрогнули, кроме матушки Абигайль. Она даже не пошевелилась. — Мост рушится. Арендаторы не могут возить зерно. Дорога разбита. А мы сидим и ждём, пока регистрационная палата соизволит прислать бумажку, которая позволит нам посмотреть на мост, чтобы понять, сколько стоит его починить. Вы понимаете, что это абсурд?

— Мы понимаем, милорд, — сказал Эшби тихо. — Но мы не можем нарушать процедуру.

— Почему? Кто вас накажет?

Эшби поднял глаза. Впервые за всё время он посмотрел на Лео прямо, не отводя взгляда. И в его глазах Лео увидел что-то, чего не ожидал. Страх. Самый обычный, человеческий страх.

— Если я нарушу процедуру, меня уволят. По статье «превышение должностных полномочий». С волчьим билетом. Я не смогу устроиться ни в одно учреждение графства. Моя пенсия сторит. Моя дочь останется без приданого. Мой

зять — клерк третьей степени — попадёт под подозрение. Таковы правила.

— Кто ввёл эти правила?

— Совет. Двенадцать лет назад. По результатам ревизии, которую...

— Которую инициировал мой отец. Я знаю. — Лео потёр виски. Голова болела всё сильнее. — Значит, мой отец создал систему, которая сожрала его самого. А теперь жрёт меня.

В комнате повисла тишина. Флинн перестал листать книгу. Грейвз перестал вытирать пот. Даже матушка Абигайль, казалось, задержала дыхание.

— Это довольно точное описание, — сказал наконец Флинн. — Если позволите, милорд, я расскажу, что произошло двенадцать лет назад. Я был на том заседании.

Лео кивнул.

— Ваш отец, — начал Флинн, — был человеком энергичным. Когда он унаследовал поместье, ему было двадцать пять, как вам сейчас. Он тоже хотел навести порядок. Первое, что он сделал — заказал ревизию. Ревизия длилась два года. За это время ревизоры обнаружили, что предыдущий управляющий, господин Трелони, воровал. Не много, но воровал. Подделывал счета, списывал зерно на «усушку и утруску», брал откаты у поставщиков. Отец пришёл в ярость. Он уволил Трелони и приказал создать систему, которая делает воровство невозможным. Совет тогда работал на добро-

вольных началах и собирался раз в пять лет. Отец решил, что это неправильно. Он написал новый устав — тот самый, что сейчас действует. По этому уставу совет стал постоянным органом, с оплачиваемыми должностями, с регламентом, с правом решающего голоса по всем финансовым вопросам. Отец думал, что это защитит поместье от недобросовестных управляющих.

— А что произошло на самом деле? — спросил Лео.

— На самом деле произошло то, что совет начал защищать сам себя. Через год после введения нового устава мы поняли, что ни одно решение не может быть принято без одобрения трёх инстанций. Что документы плодятся, как кролики. Что архив растёт быстрее, чем урожай на полях. Мы пришли к вашему отцу и сказали: «Милорд, система не работает. Нужно что-то менять». А он к тому времени уже год воевал с дорожным департаментом из-за какого-то моста. И он сказал: «Поздно. Я устал. Делайте что хотите».

— И вы сделали? — спросил Лео.

— Мы сделали то, что умеем. Мы написали ещё несколько положений. Уточнили регламент. Создали комиссии. И всё... затихло. Ваш отец перестал интересоваться делами. Эшби стал управляющим. Деньги понемногу уходили, но мы сводили концы с концами. Арендаторы беднели, но мы платили им компенсацию. Дом ветшал, но мы подпирали стены и латали крышу. Система работала. Не в том смысле, что она приносила доход — она работала в том смысле, что она вос-

производила саму себя.

Лео молчал. Он смотрел на свои руки, лежащие на столе. Руки были худые, с проступившими венами, с чернильными пятнами на пальцах. За семь месяцев он исписал гору бумаги. И ничего не добился.

— Матушка Абигайль, — сказал он. — Вы голосовали за новый устав двенадцать лет назад?

— Я тогда не была в совете, — сказала она. — Я вошла позже. Но я бы не голосовала. Я говорила вашему отцу: «Не плоди бумаги, выйди в поле, посмотри, что там делается». Он не послушал. Он сказал, что бумаги — это порядок. Порядок! — она хмыкнула. — Какой порядок, когда дети пухнут от голода?

— Почему вы не ушли из совета?

— А кто вместо меня? Назначили бы какого-нибудь прихвостня Грейвза, он бы про компенсацию вообще забыл. Нет уж, я сижу. Я хоть иногда докричаться могу.

— И часто докрикиваетесь?

— Редко, — сказала она и сжала губы.

Лео встал. Подошёл к камину. Огонь почти погас, только угли тлели алым. Он взял кочергу, поворошил угли, подложил полено. Полено занялось не сразу — оно было сырое, шипело и пускало струйки пара. Но потом разгорелось.

— Я хочу внести предложение, — сказал Лео, не обращаясь. — Не проект решения. Не запрос. Просто предложение. Давайте сейчас, вчетвером, решим, что мы делаем с

архивом. Печать снимаем. Я вхожу туда. Беру все документы. Мы вместе — все мы, включая матушку Абигайль, — садимся и разбираем бумаги. Выясняем, что происходит. И начинаем менять систему. Шаг за шагом.

Он обернулся. Эшби смотрел в стол. Грейвз вертел в руках платок. Флинн поправил очки. Матушка Абигайль смотрела на Лео и молчала.

— Милорд, — сказал Эшби. — То, что вы предлагаете, — это уголовное преступление. Статья сто сороковая: «Самоуправство, выразившееся в самовольном снятии печатей, наложенных уполномоченным органом». Наказание — от трёх до семи лет каторжных работ.

— Кто будет судить? Графство?

— Да. И будьте уверены — донесут. Обязательно донесут. Здесь у каждого есть родственник в департаменте. У Грейвза племянник в налоговой. У Флинна брат в канцелярии губернатора. У меня зять в земельном. Кто-нибудь донесёт. Не со зла. А потому что так положено.

Лео вернулся к столу. Сел. Налил воды из графина. Выпил. Вода была тёплая и отдавала пылью.

— Тогда скажите мне, — произнёс он медленно, — что я могу сделать? Прямо сейчас. Не через год. Не через пять. Что я могу сделать сегодня, чтобы что-то изменилось?

Члены совета переглянулись. Первым заговорил Грейвз:

— Вы можете подать официальный запрос о предоставлении доступа к архиву. По форме, которую совет утвердит на

следующем заседании.

— Следующее заседание — в мае будущего года, — сказал Флинн.

— Вы можете инициировать процедуру пересмотра регламента, — сказал Эшби. — Это долго, но возможно. Мы начнём с консультаций. Я подготовлю сравнительную таблицу...

— Вы можете выйти в поле, — сказала матушка Абигайль. Все замолчали. Лео посмотрел на неё.

— Что?

— Выйти в поле. Своими руками. Взять плуг. Вспахать. Посадить. Собрать. Без бумаг. Без разрешений. Просто сделать.

— Это незаконно, — сказал Флинн. — Согласно земельному кодексу, лорд не имеет права заниматься сельскохозяйственными работами на своей земле. Это прерогатива арендаторов. Лорд может только управлять.

— Управлять, — повторила матушка Абигайль. — Красное словцо. Мы все управляем. А земля зарастает.

Лео сидел и думал. Ему казалось, что голова раскалывается. Мысли путались, как нитки в клубке, который погрызла кошка. С одной стороны — процедура, закон, порядок. С другой — поле, плуг, работа. С одной — архив, в котором лежит правда. С другой — земля, на которой можно что-то вырастить. Но и то и другое требует усилий. И времени. А время уходит. Оно уходит каждый день, каждый час, каждую минуту, пока он сидит в этой библиотеке и слушает, как

Флинн зачитывает параграфы.

— Хорошо, — сказал Лео. — Давайте голосовать.

— По какому вопросу? — спросил Флинн.

— По вопросу о доступе к архиву. Без формы. Без регламента. Просто: я прошу совет разрешить мне войти в архив. Кто за?

Тишина. Матушка Абигайль подняла руку. Одну. Больше никто.

— Против?

Эшби, Грейвз и Флинн подняли руки одновременно, как будто репетировали.

— Решение не принято, — сказал Флинн.

Лео кивнул. Он ожидал этого. Но всё равно почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Не надежда — надежда умерла ещё зимой. А что-то другое. Может быть, иллюзия, что он — лорд. Что он имеет власть. Что его слово что-то значит.

— Заседание окончено, — сказал он. — Благодарю вас.

Они расходились молча. Матушка Абигайль задержалась у двери. Обернулась. Посмотрела на Лео, сидящего за столом среди разбросанных бумаг.

— Милорд, — сказала она. — Приходите в Верхние Топи. Завтра. Я покажу вам поля.

И вышла.

Лео остался один. Он сидел и смотрел на дверь, за которой только что скрылась матушка Абигайль. На стене рядом с дверью висел портрет Основателя — того самого лорда Ар-

тура, чьё лицо было уже неразличимо под слоем копоты. Лео вдруг подумал: а что бы сделал Основатель? Он пришёл на эту землю триста лет назад. Здесь был лес и болота. Он вырубил лес. Осушил болота. Построил дом. Без разрешений. Без советов. Без форм А-7, Б-2, Г-4 и всех остальных букв алфавита, которые теперь опутали его наследство, как вьюнок опутывает заброшенный сад.

Основатель построил всё это. А его потомки построили систему, которая не даёт ничего строить.

Лео встал. Подошёл к портрету. Долго вглядывался в тёмное пятно на холсте, пытаясь разглядеть черты. Не разглядел. Только глаза — светлые, блестящие из темноты. Как у всех портретов в этом доме. Глаза, которые всё видели и ничего не могли изменить.

— Я не сдамся, — сказал он портрету. Или себе. Или пустой комнате.

Портрет молчал.

За окном садилось солнце. Библиотека наполнялась оранжевым светом, и пыль, всколыхнувшаяся во время заседания, висела в воздухе золотыми точками. Лео смотрел на эти точки и думал о том, что завтра он пойдёт в Верхние Топи. Пешком. Через грязь. И посмотрит на поля. Может быть, матушка Абигайль знает что-то, чего не знают Эшби, Грейвз и Флинн. Может быть, есть другой путь. Не через архив. Не через совет. Не через формы. А через землю.

Он лёг спать с этой мыслью. И впервые за долгое время

спал без снов.

Наутро он надел старые сапоги, взял плащ и вышел из дому. Солнце ещё только вставало, туман висел над полями, и мир казался ненастоящим — как будто нарисованным акварелью на мокрой бумаге. Лео шёл по дороге, которую знал наизусть, и думал о том, что за семь месяцев он выучил каждую колдобину, каждый куст, каждый поворот. Он знал дорогу лучше, чем собственное лицо. Своего лица он не видел давно — в доме было только одно зеркало, в спальне, и оно потемнело от времени так, что отражало только смутный силуэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.